

Фрагменты человеческих скелетов и лошадь без всадника, 1999.

“Георгий”. 1999.

Вот клуб -
1999 - 300к -
в 2.

МАРЕЕВ И ПУСТОТА

Выставка А. Мареева (Лима) «Синяя кошка». Галерея «Новая коллекция»

Кураторы галереи считают эту выставку своим трудовым подвигом. Их задача была не в том, чтобы ограничить число произведений (как обычно), а в том, чтобы спасти от автора уже отобранные. Перед самым вернисажем художник кромсал развешанные листы точно так же, как до того выбросил столько, сколько хватило бы еще на одну экспозицию (попытки извлечь остатки из мусорных бачков ни к чему не привели: слишком мелко рвал).

В неформальной среде за Лимом давно закрепилась репутация «второго Зверева»: во-первых, страшно талантлив и плодовит, во-вторых, импульсивен и не поддается ни официальным, ни рыночным условиям. Так же, как и Зверева, его открыли в одночасье и стали прокатывать по лучшим залам (от ЦДХ

до «Русского павильона» в Венеции).

Главный конек Лима — скетчевый набросок либо рисунок наподобие иероглифа (он даже кисть держит на восточный манер). Несоразмерность мареевских виде-ний с широким паспарту (его фирменный знак — мелкий комар) выглядит как насмешка над выставочными стандартами и над богатой картиной «на века». Впрочем, композиция Лима отличает и красоту и искусность (на чем особенно настаивает Александр Петрович, автор аннотации). В последние работы он вводит серебрянку, бронзовую пыль, лаки по акварели для закрепления. Но момент спонтанности, письма без оглядки на зрителя никуда не денешь: рисовал медведя — получилась кошка (эта

«Синяя кошка» и дала название выставке).

Нынешняя экспозиция должна была показать нового Лима, и ожидалась она так же, как новая книжка Пелевина. Эффект от них примерно одинаков.

Принято считать, что нонконформизм зиждется на постоянном обновлении. На самом деле неформальному искусству еще больше свойственно тиражирование одного когда-то найденного мотива. В лучшем варианте становится частью авторского стиля, в худшем — конъюнктурой (ответом на зрительские ожидания). В случае с Мареевым работает какой-то третий вариант. Его мир слишком замкнут, поставлен в самую сердцевину личностного разлома. Если подобрать определение мареевскому

тону из арсенала экзистенциалистов, это будет тоска, заброшенность. Именно та скука, о которой писал Илья Кабаков и которая у него побеждалась работой.

Сам Мареев сначала спасался в иронии (его ранние «комариные серии»), а затем просто в рисовании (не случайно его сегодняшнее обращение к иллюстрации, к текстам и надписям, напоминающим обрывки бреда). Но, попадая в стены галереи, смысл графических излияний переворачивается и они только усугубляют пустоту. Именно боязнь быть нудным, поддаться скуке стала рефреном последней выставки. Тут возникает вопрос не ниже гамлетовского: «Показать или не показать?» Благо, в «Новой коллекции» ответили за художника.

Сергей СОЛОВЬЕВ